

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ

Прошел год как перестало биться сердце Евгения Ильича Оленина. Срок не большой, чтобы осмыслить все сделанное им, и тем не менее, достаточный, чтобы сформулировать главное:

Оленин был талантливым архитектором, способнейшим организатором творческого процесса, человеком, влюбленным в Одессу, болеющим за судьбу Одессы. Уже всего этого было бы достаточно, чтобы его имя осталось в истории профессии, которой он себя посвятил, и города, над проблемами которого он многие годы работал. И все же осознаешь еще нечто, более существенное: Евгений Оленин был художником, выводящим общество из спячки, раздражителем, заставлявшим профессионалов определять свою позицию по отношению к настоящему и будущему Одессы. Он был возмутителем спокойствия.

Могут даже назвать точку отсчета. Ломкой стереотипов мышления, попыткой вернуть Одессе ее былое величие Евгений Оленин начал заниматься тридцать (!) лет назад, в 1979 году, создавая проект "Пешеходная зона — Дерibasовская улица". Проект был выставлен, для того чтобы его увидел горожанин, в Доме ученых, у него были противники и сторонники, но, главное, проект стал фактом не только культурной, но и общественной жизни Одессы, сформировал нового зрителя, уверенного, что и его точка зрения важна при решении задач градостроительства.

В 1979 году, когда Евгений Оленин громко заявил о себе в Одессе, ему было 35 лет. Он родился 23 сентября 1944 года в Смоленске. После войны его родители вернулись в родной город, в Одессу. Первое художественное образование Е. Оленин получил в Одесском ху-

дожественном училище, а завершил постижение профессии художника, архитектора, дизайнера, проектировщика в Ленинградской художественно-промышленной академии имени В. Мухомовой.

Как считал сам Е.И. Оленин, высоко оценивая результаты учебы, как в "Грековке", так и в "Мухе", огранку мастерства он получил, будучи постоянным участником семинаров Центральной студии экспериментального проектирования — "Сенежский семинар", которым руководил Евгений Розенблюм, и Международной мастерской дизайнера в Женеве (Венгрия).

Любовь к Одессе, забота о будущем Одессы — стержень многих проектов Евгения Оленина. Но география его работ намного шире. Все началось с проектирования центра молодежного туризма "Норус" в Эстонии, затем были реконструкция юрточного городка в столице Монголии Улан-Баторе, новая экспозиция в Политехническом музее и Музее Революции в Москве, художественное осмысление старого и нового в Коломне. Можно перечислять дальше — и проекты для Нью-Йорка, и для Крыма, но со временем осознаешь, что были два главных направления.

И первое из них — Одесса.

После "Дерibasовской" (1979-1985 гг.) последовал проект Театра Филармонии в Городском саду (1985) и, наконец, "Проект Одессы" — проектная программа по реабилитации объектов исторического центра. Множество объектов (по сути, самостоятельных проектов) включала в себя эта программа. Это и "Круглый дом", и квартал в Красном переулке, и жилой квартал по улице Вице-адмирала Жукова. Что из того, что проекты эти не реализованы, несмотря на то, что

эстетически они много убедительнее построенного (к примеру, тот же "круглый дом"), весь объем проекта — толчок для размышлений и архитекторов, и предпринимателей, и власти.

И второе направление, постоянная тема работы архитектора Евгения Оленина — память о жертвах Холокоста.

С 1991 по 2001 год шла работа над проектом "Дорога смерти" — комплексом, начинающимся в сквере Хворостина и завершающимся в селе Богдановка, на месте уничтожения евреев Одессы и Бессарабии.

Логическим продолжением этого проекта стал документальный фильм "Исход", снятый Евгением Олениным о малоизвестных событиях Холокоста на Юге Украины.

Здесь нельзя не сказать, что Оленин был не только архитектором и художником, но и талантливым публицистом. Об этом свидетельствует и фильм "Исход", и несколько десятков его статей, взрывающих спокойствие статей, опубликованных в "Вечерней Одессе", во "Всемирных одесских новостях", на украинских сайтах "Телекритика", "Мы здесь...". Такие статьи, как "Художник и город", "В поисках утраченной Одессы", и сегодня, спустя годы, остаются злободневными.

А теперь о последнем проекте, над которым работал Евгений Оленин, — мемориалом в Бабьем Яру. К этому проекту были привлечены архитекторы многих стран, конкурс должен был выявить достойнейших. Увы, хоть было решение руководства Украины о проведении конкурса, но он и по сей день не завершен, не выявлены победители. А значит, не создается мемориал в Бабьем Яру. Как писал много лет назад Евгений Евтушенко: "Над Бабьим Яром памятника нет...". А ведь мечта уви-

деть его и была последней мечтой романтика и прагматика, философа и человека дела, художника и поэта Евгения Оленина.

Смерть Евгения Ильича Оленина вызвала немало добрых слов о нем в Одессе, в Киеве, Москве и Нью-Йорке. Кажется, наиболее емко и точно сказал о своем друге секретарь Союза архитекторов России академик Андрей Боков:

"Умер Евгений Оленин — художник и друг, мечтатель и общественный деятель, свободный в поступках и суждениях, скованный обстоятельствами и чувством долга.

Он учился в Питере, служил на Дальнем Востоке, работал в Таллине, Москве, на Сенеже и в Нью-Йорке, но его жизнь и судьба посвящены Одессе. Он выстроил Одессу своей мечтой, связав ее прошлое и будущее с артистизмом, тонкостью, мастерством, страстью и любовью, на которую способны только жители особой страны и особого мира по имени Одесса. Он один из последних обитателей эпохи — Одессы XX века, бывшей состоянием души ее создателя и хранителя, без которого этот мир уже не будет прежним.

Он ушел, как уходят из жизни великие праведники, ушел на бегу, забыв остановиться, не доделав и не досказав многого из того, что собирался сделать и сказать".

Нам остались его статьи, его фильм и, главное, проекты. Они и сегодня живые, будоражат воображение, вызывают потребность в диалоге, возмущают спокойствие тех, кто хотел бы отсидеться в тиши без политических, эстетических и этических бурь. Выставка проектов Евгения Оленина — это не демонстрация наследия, это участие мастера в живом творческом процессе наших дней.

АМАЗОНКА АВАНГАРДА

У меня на стене под стеклом висит эскиз балетного костюма знаменитой танцовщицы Эльзы Крюгер. Когда-то этот эскиз принадлежал известному одесскому коллекционеру Стратонову, собиравшему книги по искусству, картины, и никак не позволившему себе упустить эскиз Александры Экстер, которая вырвалась из захваченного красными Киева в еще "белую" Одессу. Здесь художница открыла свою студию. Она много работала с Эльзой Крюгер, разрабатывая не только образы костюмов, но и образы, пластику танца.

Стратонов в старости распродал, дарил свои сокровища. Этот лист он подарил режиссеру и писателю Илье Рудяку, который возглавлял школу киноактера. Давно это было. Сейчас Илья живет в Чикаго, держит книжный магазин, издает раритетные книги и пишет юмористические рассказы, чаще всего "за Одессу".

А потом еще одно перемещение: Рудяк, восхищенный сценографией Виолетты Бабыниной, а они вместе ставили "Трактир" Э. Багрицкого, дарит ей жемчужину своего собрания. И оставалась бы работа Александры Экстер в общезнать театральные работники на улице Якира, если бы волна еврейской эмиграции не подхватила бы Виолетту. Тогда вывозить живопись и графику было еще труднее, чем сегодня. И Виолетта Бабынина подарила мне эскиз костюма Крюгер, чтобы созданное в Одессе в Одессе и сохранилось.

Вот уже лет пятнадцать появилась во всем мире новая волна интереса к российскому авангарду, особенно к художницам, которые определяли его направления, — это Удальцова, Гончарова, Попова, и прежде всего, — Экстер.

Александра Александровна Экстер (Григорович) вошла в русское искусство как художник Камерного театра, создавая костюмы для Али-

сы Коонен, сотрудничая с Александром Таировым. Но это произойдет в десятые — начале двадцатых годов.

А девочка, родившаяся в богатой семье мелкого чиновника в Белостоке в 1884 году, еще в начале XX века попала в Париж и на всю жизнь заболела кубизмом, декоративизмом, новой живописью, которую она увидела в мастерских Пикассо, Матисса, Дерена...

"Париж пробуждал жажду быть современным во что бы то ни стало, — писал в исследовании об А. Экстер Я. Тугендхольд. — Именно это стремление к современности, к воплощению в искусстве наших вкусов, нашего мироощущения и является главным нервом творчества Экстер"...

Что поняла, что приняла молодая провинциалка в Париже? Она ощутила себя аристократкой духа. И на своей мастерской, как и Пикассо, могла бы вывесить табличку — "Место встречи поэтов". Этот аристократизм пронесла в своем творчестве художница всю первую половину XX века.

Вернувшись в Киев, она открыла свою школу, куда ученики приходили смотреть, как работает Мастер, музыканты слушали поэтов, а все вместе они писали стихи, оформляли спектакли и улицы, не только рисовали костюмы к балетам, но и ставили новые произведения. Голуб — не тетя, но искусство заставляет забыть и о голоде.

В Киеве учениками Александры Экстер были А. Тышлер, И. Рабинович, К. Редько, Л. Козинцева, ставшие впоследствии яркими талантливыми художниками. И каждый из них вспоминал Александру Александровну, И. Эрэнбург, О. Мандельштам — круг этой школы, ее педагогов.

А потом — Одесса. Умер муж — адвокат Н.Е. Экстер в Киеве беспрерывная чехарда властей. В середине декабря 1918 года город

буквально пустеет. Еще недавно в Одессу уходит один поезд, в эти дни 3-4 поезда, везут на юг, к еще свободному морю, интеллигенцию.

И вот уже в феврале 1919 года "Одесский листок" сообщает о лекции А. Экстер в студии Ю. Бершадского, а потом заметки о совместной работе Экстер и Крюгер, о танцевальных вечерах.

Эльза Крюгер была не просто экстраординарной танцовщицей, она была авангардисткой по духу, дружила с Н. Гончаровой и М. Ларионовым, сотрудничала с Экстер лишь укрепил ее художественные привязанности, выкристаллизовало вкус. Как, кстати, и для Экстер, человека очень сложного по характеру (ею восхищался В. Мейерхольд, но не работал с ней, ею восхищался С. Дягилев, но предпочитал с ней дружить, а работать с Н. Габо и А. Певзнером и т. д. и т. п.), которая всегда ощущала себя Мастером, а не простой исполнительницей чьих-то идей.

А в случае с Крюгер творческая связь удалась. Они были равно образованы, талантливы. В Одессе Э. Крюгер готовила с режиссером К. Миклашевским на музыку Р. Штрауса "Саломею" О. Уайльда.

Проект оказался интересным для А. Экстер. Увы, приход красных не дал реализоваться замыслу, но студию в Одессе Экстер успела открыть.

Нужно добавить, что Александру Экстер привлекали к оформлению праздника 1 Мая. И даже в эмиграции художница неоднократно вспоминала о гигантском панно, выполненном по ее эскизам, рассказывала о них своим ученикам. Рассказывала и надеялась одновременно, что все это сгорит в огне революции, чтобы не остались в ее наследии постыдные, по ее мнению, следы.

Нужно ли объяснять, что вскоре А.А. Экстер покинула Одессу, вернулась в Киев, переехала в Москву,

а затем эмигрировала. Но в Одессе оставались ее ученики, бережно, как видим, хранившие эскизы ее костюмов. Да и культурный оазис, где преподавали приглашенные ею Ф. Гоциассон и В. Бабаджан, определяет на года уровень театра, живописи в нашем городе.

Безусловно, следовало бы посвятить не один абзац тому, как работала Экстер с Таировым и Коонен, какой сенсацией были постановки в Камерном театре. Но судьба звала Александру Экстер вновь в Париж, в русскую художественную колонию, которая во многом определяла звучание парижской ноты.

Лет двадцать назад в Одессе состоялась выставка эскизов Александры Экстер. Были блестящие работы, которые могли бы украсить любой музей — от Украины до США. И мне приятно было, что в этом замесе краски не затерялся эскиз костюма для Эльзы Крюгер из моей коллекции — маленький штрих, свидетельствующий о пребывании А. Экстер в Одессе.

Я рассказывал о художнице, чья жизнь была бурной в ее первый период, очень спокойной и уравновешенной во второй, я бы сказал, французский период. Но по сути, не пытался объяснить читателю, в чем была мощь и сила Александры Экстер. Только ли в глубоком знании классической культуры? Нет, конечно, двадцатый век знал многих энциклопедически образованных людей. Только ли в продуманном скачке от импрессионизма к кубизму, а затем к беспредметности? Нет, такой путь прошли многие мастера, кстати, многие из них были выходцами из царской России, Протодиевские же рождало силу. Но, может, Александра Экстер привлекала к себе как женщина-творец? И тут, я уже упоминал, она была не одинока... И дружила с другими амазонками искусства, к примеру, Верой Мухомовой, не только автором "Рабочего и колхозницы", но и создательницей прекрасных портретов из бронзы и стекла.

Так что же? Неужели загадка не имеет ответа? Имеет. Еще на первых выставках, где участвовала Александра Экстер, а это "Стефанос" в 1909 году в Киеве, Салоны Издбского в Одессе, чуткая критика приметил музыкальность ее цвета, музыкальность ее ритмов, настолько сильную, что, казалось, сбывается мечта русского композитора А. Скрябина о синтезе слова, звука, цвета.

Последняя работа А. Экстер в России — "Ромео и Джульетта" с А. Таировым. Сцену постановка не увидела. Почему? Таиров не считал их работу провалом, но признавал (правда, сквозь зубы), что он не дотянул режиссерское решение до уровня костюмов, эскизов декораций А. Экстер. Может быть, именно тогда Александра Александровна окончательно решила уехать в Париж...

Кстати, Камерный театр ездил с гастролями во Францию. И Таиров, и Алиса Коонен знали, каким уважением в среде французской богемы пользуется Экстер. Но в гастрольный репертуар они включили только новые спектакли, не показав парижской публике шедевры Александры Экстер, "Фамоу Кифареда" по Иннокентию Анненскому или "Саломею" по Оскару Уайльду.

Но распри, сложности личных отношений — это все осталось в прошлом, за скобками истории. А в настоящем сохранился образ замечательной художницы и ее жизнерадостное, мажорное искусство. Ею восхищался Борис Пастернак, ей посвящала стихи Анна Ахматова.

Разве всего этого недостаточно, чтобы понять, как повезло Одессе, что именно тут Александра Экстер учила молодых художников, создавала эстрадно-балетный театр, дышала воздухом Одессы — воздухом свободы. Хотелось бы, чтобы Союз театральных деятелей обратился в горисполком с предложением увековечить память А.А. Экстер мемориальной доской.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ